

Мария Денисовна БРЫЗГАЛОВА¹

УДК 82-3

НОВАЯ ПРОЗА ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
maria.bryzgalova27@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9561-0204

Аннотация

Данная статья рассматривает особенности прозы Татьяны Толстой 2010-х гг., объединенной с публицистикой и ранними рассказами в тетралогию (сборники «Легкие миры» (2014), «Девушка в цветку» (2015), «Невидимая дева» (2015), «Войлочный век» (2015)). Цель исследования — выявить творческие стратегии, используемые писательницей, а также проследить, каким образом в разножанровых произведениях раскрываются темы, характерные для всего творчества Т. Толстой. Актуальность и научная новизна исследования определяются необходимостью системного анализа новой прозы Т. Толстой — явления, практически неизученного в современном литературоведении. В работе применялись структурно-семантический и текстологический методы.

В ходе исследования выявлена одна из главных особенностей новой прозы Т. Толстой — переход в повествовании от третьего лица к первому: новая проза утверждает за писательницей право на высказывание от первого лица. Подобные изменения в тексте тесно связаны с творческими амплуа Т. Толстой — преподаватель, публицист, телеведущая, блогер. Все они так или иначе определяют личность самой Т. Толстой — яркой, харизматичной, всегда выражающей собственное мнение, зачастую пристрастное и необъективное. Амплуа писательницы при этом является опорным и влияет на остальные.

Темы и мотивы, фигурировавшие в ранних рассказах и публицистике достаточно косвенно и отстраненно, в прозе Т. Толстой 2010-х гг. выходят на первый план. Магистральными темами становятся время, память, народная ментальность. Для новых повестей и

Цитирование: Брызгалова М. Д. Новая проза Татьяны Толстой / М. Д. Брызгалова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 87-97.
DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-87-97

рассказов также характерен мотив двоимирия: с миром реальным соседствуют другие миры, «легкие». Новая проза безусловно обладает интертекстуальностью, неизменной для стилистики Т. Толстой, но письмо становится легче и точнее. Оно соединяет в себе документальность и художественность, автобиографичность и определенную степень отстраненности, позволяющую увидеть в текстах автобиографическую героиню, написанную вдумчиво и художественно точно.

Ключевые слова

Татьяна Толстая, анализ текста, новая проза, автобиографическая героиня, эго-текст, творческая стратегия, творческое амплуа, мотивно-тематический комплекс, блог.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-87-97

Введение

Среди большинства литературоведов и критиков бытует мнение, что после публикации романа «Кысь» Т. Толстая отошла от художественной литературы. Публицистические тексты писательницы, телевизионная программа «Школа злословия», блоги на платформах «Живой Журнал» (LiveJournal) и «Фейсбук» (Facebook) зачастую воспринимаются исключительно как коммерческие проекты, не имеющие ничего общего с художественным текстом. Так, О. Осьмухина, апеллируя к рецензии И. Грековой [6] на ранние рассказы писательницы, сожалеет, «насколько „роскошно-расточительно“ распорядилась Толстая своим дарованием, с легкостью заменив весьма востребованное у читательской аудитории литературное творчество коммерчески успешными, но сомнительными во всех отношениях проектами» [8, с. 53]. Между тем писательница прибегает к разнообразным амплуа не столько ради коммерческого успеха, сколько для реализации собственных творческих стратегий, позволяющих ей прийти к новой манере письма через обращение к открытому «я-высказыванию».

Творческие амплуа Татьяны Толстой

В новых творческих амплуа Т. Толстая не только меняет манеру письма и пробует себя в роли медийной личности, но и выражает свое «я» более открыто. Так, публицистические тексты 2000-х гг., «полные гнева и пристрастия» [4, с. 213], представлены напрямую от личности автора. Т. Толстая уже не придумывает свои собственные миры, сюжеты, персонажей, а описывает реально существующий мир — таким, каким она его видит: несправедливым, абсурдным, гротескным, временами откровенно жутким. У этого мира, достаточно пугающего, есть соприкосновение с какими-то другими измерениями, где счастливо существуют сны, давно ушедшие люди, по-прежнему любимые, воспоминания о детстве. Эти мотивы, безусловно, пришли в публицистические тексты из ранних рассказов Толстой, что является очевидным доказательством неотделимости ее публицистики от художественной прозы, что говорит и о том, что, несмотря на наличие нескольких творческих амплуа (публицист, телеведущая,

преподаватель, блогер), амплу писательницы в случае Т. Толстой будет являться опорным и влиять на остальные.

Личность Т. Толстой — яркая, самобытная, харизматичная — определила ее успех в роли телеведущей. Программа «Школа злословия» с Авдотьей Смирновой и Татьяной Толстой выходила в эфир с 2002 по 2014 г., два года на телеканале «Культура» и десять лет на телеканале «НТВ». Идея телепередачи, по словам кинокритика Ю. Богомолова, была проста: «попробовать медиаперсонажей, которые появляются, как правило, в масках, иногда произвольных, иногда нет, их от этих масок отлепить и показать лицо. Было очень важно, чтобы этим занимались пишущие люди, умеющие работать со словом, умеющие работать со смыслами» [3]. Т. Толстая на эту роль безусловно подходила. Работа со смыслами в рамках этого творческого амплу прежде всего предполагала заявление о себе как о личности — не через текст, как в публицистике, но напрямую, — а также конструирование автомифа, через призму которого впоследствии будет восприниматься не только личность писательницы, но и ее творчество.

Татьяна Толстая — телеведущая иронична, иногда язвительна и саркастична, открыто выражает собственное мнение, но вместе с тем готова к диалогу с приглашенными участниками, с соведущей и с аудиторией. С теми гостями, которые нравятся ведущим, разворачивается диалог о сущности бытия: искусстве, вечности, смерти, чувствах, мироустройстве, характер которого в центре внимания Толстой-писательницы. Вопросы мироустройства могут включать в себя самые разные вещи: от существования различных пространственно-временных измерений, наслаивающихся друг на друга, до бытовых мелочей, к примеру, носков, которые мистическим образом исчезают в стиральной машине. И то, и другое для Т. Толстой одинаково важно: быто-бытийственным проблемам посвящены многие тексты ее новой прозы, прозы двух первых десятилетий XXI в.

М. Абашева в монографии «Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности)» утверждает, что в современной литературе кризис идентичности выражается прежде всего в проблеме самоопределения писателя. Статус литературы изменился: из культурной (элитарной) доминанты она становится дискурсивной практикой, доступной многим. Современный литературный процесс формирует именно самоидентификация писателя, осуществляясь «в пространстве (жизненном и текстовом) его повседневного существования — что и отражается в произведениях, настраивающих фокус изображения на приватное бытие» [1, с. 217]. По мнению исследователя, этим объясняется большое количество современных романов, в которых главный герой — писатель (и сюжет строится вокруг его жизни), а также автобиографических текстов. В эту парадигму вписывается и новая проза Т. Толстой, написанная от первого лица.

Появление большого количества автобиографических описаний также тесно связано с развитием сетевой литературы и блогосферы. Интернет становится неотъемлемой частью писательской жизни, создавая «новую природу худо-

жественного текста, отличного по поэтике от текста „бумажного“» [2, с. 136]. Дневниковые тексты, или «эго-тексты» (термин М. Михеева), становятся основой для блогосферы. Блоги, как и бумажные дневниковые тексты, фиксируют реальные события в жизни конкретного человека, написаны им самим, разделены на датированные отрывки и не предполагают завершенности: есть возможность возвращения к тексту и внесения в него правок, если это необходимо [7]. Вместе с тем важный принцип дневника, согласно которому текст пишется для личного пользования и обращен к самому себе, нарушен в формате блога, предполагающем открытость для аудитории.

При этих условиях появление большого количества писательских блогов можно рассматривать и как принятие писателями нового формата существования литературы, и как решение проблемы самоидентификации. Писательские блоги одновременно помогают понять, как развивается современная литература, и являются способом самопрезентации автора: «как проект и даже как серия проектов самого себя» [14, с. 62]. Согласно концепции М. Михеева, эго-тексты писателей относятся к профессиональным дневниковым текстам и обладают художественным началом.

Т. Толстая, принимая закономерности развития современной литературы, в 2007 г. заводит аккаунты сразу на двух платформах — «Живой Журнал» (ник «tanuant») и «Фейсбук». До 2014 г. основной платформой для размещения текстов являлся «Живой Журнал», а страница на «Фейсбуке» служила в основном для анонсов различных мероприятий, публикации фотографий и поздравлений с праздниками. Позже, когда популярность «Живого Журнала» значительно снизилась, писательница стала размещать новые тексты на «Фейсбуке». Первые записи в блоге Т. Толстой нельзя рассматривать ни как проект самопрезентации, ни как создание литературы в новом формате. Писательница достаточно безапелляционно заявляет, что вести дневник, вопреки ожиданиям читателей, не будет: потребности в высказывании у нее нет, а блог заведен в связи с настоящим (на тот момент) творческим амплуа — для ответов на вопросы, связанные с телепередачей «Школа злословия». В первом посте Т. Толстая кратко формулирует свои правила ведения блога — позволяет себе делать всё, что ей вздумается: материться, писать с ошибками и нарушать все грамматические правила. Читатели могут задавать любые вопросы, но отвечать на них или нет, решает сама писательница.

В феврале 2008 г. в блоге появляется рубрика с рецептами. Т. Толстая хочет собрать кулинарную книгу и просит своих читателей делиться лучшими рецептами в комментариях. В марте — текст с размышлениями о народной ментальности. Первые высказывания, близкие к художественному эго-тексту, появляются весной 2008 г., к примеру, запись о том, что деревенские дома на Крите, традиционно выкрашенные в синий цвет, бесследно исчезают: их перекрашивают в приятный, веселый, туристический светло-желтый [9]. Несмотря на то, что Я-субъект открыто проявляется только во фразе «горе мне», и текст маскируется под публицистический (Т. Толстая обращается здесь к теме, которая время от времени появлялась и в более ранних ее текстах, — уничтожению

прошлого), пост можно назвать приближенным к эго-тексту. В нем есть черты травелога (Т. Толстая ставит к посту метку «Путешествия» и прикрепляет несколько фотографий старых критских домов — свое видение этого места). Одновременно текст прочитывается как дневниковый благодаря узнаваемой интонации. Тема прекрасного прошлого, которое сознательно и безжалостно уничтожают, достраивают, ломают, перекрашивают в другие цвета (пытаясь освободить место для нового, но на самом деле уничтожая хрупкое настоящее), окрашена в горько-элегические тона, подсвеченные самоиронией — интонационный комплекс, ставший доминантным для прозы 2000-2010-х гг.

Мотивно-тематический план новой прозы

Система творческих амплуа Т. Толстой, тесно связанных со своеобразием личности писательницы, определила открытую автобиографичность новых произведений. Т. Толстая, которая в текстах 1980-х гг. «никогда не выражает прямо собственный опыт» [5, с. 8] и бесконечно опосредует свое «я», начинает писать от первого лица. Тезис Е. Гоцило об отсутствии собственного опыта писательницы в ранней прозе можно частично оспорить — детали, связанные с детством, очевидно автобиографичны (семья с большим количеством детей, приходящие учителя, лето на даче); можно найти совпадения даже в географических локациях. Так, в рассказе «Любишь — не любишь» маленькая героиня представляет, как «из мутной Карповки выползает на обледенелый бережок черный чечен, мохнатый, блестит зубами...» [12, с. 80], квартира, в которой выросла Татьяна Толстая, находится также на берегу реки Карповки. Но автобиографические детали в ранних рассказах не столь часты, как в нынешней прозе, она действительно прячет свое «я» за другими персонажами, и «средствами для этого служат миф, интертекст и несобственно-прямая речь» [5, с. 30].

Темы и мотивы, фигурировавшие в ранних рассказах и публицистике достаточно косвенно и отстраненно, в прозе Т. Толстой 2010-х гг. выходят на первый план. Так, одной из магистральных тем становятся время и память. В эту категорию входят и воспоминания о семье и детстве (уже не отвлеченные, а очень конкретные — да, были и набережная реки Карповки, и няня Груша, фигурировавшие в рассказе «Любишь — не любишь»; было детство на даче, были родители, оба — с очень интересной семейной историей), и память об эпохе, и сожаление обо всем, что уничтожают и перестраивают. Для Т. Толстой характерно очень любовное отношение ко всему, что может исчезнуть, ко всему слабому, нежному, хрупкому, к вещам из прошлого.

Т. Толстую все настойчивей заботит «тайна русского характера», вопросы особенностей народной ментальности. Автобиографическая героиня воспринимает себя отдельно от народа (несмотря на то, что одна из частей сборника «Легкие миры» называется «С народом»); он — Другой, но, в отличие от публицистики, не всегда Чужой. Инвективных текстов становится меньше — народ способен вызывать у писательницы уже не только раздражение (своей неадекватностью, желанием убить сновидцев и поэтов, разрушить прошлое, пре-

красное и нежное), но и интерес. У народа есть собственная мифология, достаточно дикая, практически языческая, но интересная; он тоже знает о существовании иных миров, хоть и понял это совсем не так, как автобиографическая героиня Т. Толстой. Русский народ бессознательно использует заговоры и мантры, не зная, как это делать правильно, но интуитивно у него это получается. Автобиографическая героиня Т. Толстой, работающая со словом и поэтому точно знающая, какой заговор когда надо прочитать и какая мантра будет правильной, а какая — нет, восхищается этой способностью. Народ для нее — достаточно неопределенное явление: «Я не знаю, что такое русский народ, — это смесь, и смесь такая кривая, странная, нездоровая, но совершенно родная и замечательная, разных племен» [10, с. 461]; чувствуя себя частью русского народа, она сохраняет позицию наблюдателя, способного написать о своем народе трезво, порой жестко, иронично, но и с сочувственной нежностью.

Новые проблемно-тематические аспекты творчества Т. Толстой диктуют изменение поэтики. И для текстов блога, и для новых повестей и рассказов характерен мотив двоимирия: с миром реальным соседствуют миры «легкие». Они устроены совсем по-другому: вещи там одушевлены, обладают судьбой и характером, мертвые живы, а человеку оттуда дается любовь и возможность творить. «Легкие миры» — это и все необъяснимое, что случается в повседневной жизни.

Новая проза сосредоточена на вопросах мироустройства, и, как было сказано выше, быто-бытийная проблематика присуща творческому миру писательницы, но находила свое воплощение в различное время и разных амплуа. Татьяна Толстая — автор ранних рассказов выстраивает художественный мир по мифологическим законам. Татьяна Толстая — телеведущая разговаривает с симпатичными ей гостями о том, каким они видят мир. Татьяна Толстая — блоггер пытается описать уже свое собственное видение мироустройства, этим же она занята в новых рассказах и повестях.

Мир — это и бесконечное множество пространств, организованных по никому не известным законам, и расстояние между точкой А и точкой Б, укрытое тьмой, где «снега, звери, древние звезды, печной дым, восемь сторон вечности, часы без стрелок» [10, с. 63], и места, где «счастье лежит, насыпанное горкой» [10, с. 163], тесное соседство этого необъяснимого, принадлежащего к «легким мирам», с повседневным, бытовым, осязаемым. Во власти автобиографической героини Т. Толстой сделать так, чтобы одно превратилось в другое и чтобы мертвое (или неодушевленное) стало живым.

Художественное время также связано с двоимирием: все слабое, хрупкое и прекрасное находится на границе миров и в любую минуту может погибнуть, а вещи (опять же в любую минуту) могут оказаться живыми. Вещи и явления меняют свою суть с течением времени, как будто перемещаются между мирами: «Весь прагматический, коммерческий, манипуляторский смысл из них уже улетучился, польза выветрилась и обнажилась душа предмета, его настоящая суть, то, что до поры было скрыто суетой и шумом идущих дней» [13, с. 339].

Живым может стать старый игрушечный медведь, найденный в кладовке: он вызывает чувство острой, невыносимой тоски и нежности; живым может оказаться бюст Кирова из антикварного магазина, который хочет посмотреть на квартиру на берегу реки Карповки, доставшуюся не ему, а родителям Т. Толстой. Вещи несут отпечаток эпохи, являются доказательствами того, что она была настоящей, что в ней жили любимые люди, что ничего не исчезает бесследно, а просто уходит куда-то в иные миры.

Мотив «легких миров» регулярно появляется в произведениях, затрагивающих тему народа. Народ, по Т. Толстой, интуитивно знает о существовании иных пространств, но, относясь к этому настороженно, считается с ними, поскольку знает, что все мороки, колдовство, необъяснимое и непонятное — оттуда.

Концепция и структура тетралогии

После нескольких лет ведения блога, имея достаточно большое количество новых произведений, Т. Толстая решает организовать их в тетралогию (изданные в 2014-2015-х гг. сборники «Легкие миры», «Девушка в цвету», «Невидимая дева», «Войлочный век»). Книги, включающие в себя и ранние рассказы, и публицистические тексты, обладают художественной целостностью во многом благодаря новой прозе. Безусловна взаимосвязь четырех сборников: они объединены автобиографической героиней, сквозным мотивно-тематическим комплексом, определенным сюжетом, основой для которого становится жизненная и творческая судьба Т. Толстой.

Выход тетралогии практически не освещен в литературной критике. Из примечательных публикаций можно отметить только статью И. З. Сураг, в которой исследовательница утверждает, что «это, конечно, проза, но устроена и звучит она по-новому, если сравнивать с прежними рассказами или с романом» [9, с. 190]. Под новыми текстами И. З. Сураг понимает только те несколько рассказов и повестей («Легкие миры», «За проезд!», «На малом огне» и др.), которые были сначала опубликованы в журнале «Сноб» (2012-2013), а уже затем в тетралогии.

Каждый из сборников обладает определенной концепцией, выраженной при помощи названия и жанровой составляющей книги. Так, сборник «Легкие миры», ставший первым и основным в тетралогии, почти полностью состоит из новой прозы — и той, что была ранее напечатана в журнале «Сноб», и той, что размещалась на протяжении семи лет в блогах. В книге, посвященной по большей части вопросам мироустройства (о чем свидетельствует ее название), сильна также геопоэтическая составляющая: в ней присутствуют все географические локации, важные как для самой Т. Толстой, так и для ее творчества (Петербург, Москва, Крит, Америка).

«Девушка в цвету», следующая книга тетралогии, отражает творческое амплуа Татьяны Толстой — публициста. Новой прозы в этом сборнике меньше — всего несколько текстов; все они расположены в первой части книги. В них автобиографическая героиня заявляет о своих постоянных попытках пере-

воплощения, непрерывном поиске, как в профессиональной сфере, так и в личной, и формулирует принцип, по которому пишутся публицистические тексты и новая проза — только о том, что интересно автору: «...Я владею всеми вещами мира, люблю что хочу и кого хочу. Не пойду по дороге, пойду поперек. Не по земле, по облакам» [12, с. 29].

Третья книга тетралогии, «Невидимая дева», обладает кольцевой композицией. Т. Толстая обрамляет двумя новыми повестями ранние рассказы, подсвечивая в них автобиографические детали, давая читателю возможность взглянуть на них под другим углом — не так, как он привык, провоцируя сравнение письма 1980-х гг., избыточного, плотного, метафоричного, с более легкой и точной стилистикой новой прозы.

«Войлочный век», последняя книга тетралогии, посвящена уже не вопросам мироустройства, а отношениям писательницы со временем. Время может быть конкретно-историческим, а может существовать вне хронологических рамок. Тексты, вошедшие в этот сборник, посвящены и любимому Толстой дореволюционному прошлому, и хроникам семейной истории, и советским годам, которые ассоциируются с тоской, безнадежностью, самым коротким днем в году. «Войлочный век» — это сама Т. Толстая в разные промежутки времени, и время сквозь призму ее текстов — реальное, которое она застала лично, или же воображаемое, которое ей хочется воссоздать.

Заключение

Разножанровые произведения, написанные в первые десятилетия нового века, раскрывают в новых аспектах темы, встречавшиеся в текстах Т. Толстой ранее, позволяют увидеть многогранность творчества писательницы и стратегии, которые она использует. Новая проза утверждает за автобиографической героиней право на высказывание от первого лица, на самобытность, на любовь, которая не нуждается в объяснениях. Текст нового времени безусловно обладает интертекстуальностью, особенностью, непреходящей для стилистики Т. Толстой, но письмо становится легче и точнее, соединяет в себе документальность и художественность, автобиографичность и определенную степень отстраненности, позволяющую увидеть в текстах автобиографическую героиню, написанную вдумчиво, внимательно и художественно точно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности) / М. П. Абашева. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 320 с.
2. Абашева М. П. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность: монография / М. П. Абашева, Ф. А. Катаев; Пермский гос. гуманитар. пед. ун-т. Пермь, 2013. 168 с.

3. Барышников В. Последний звонок «Школы злословия» / В. Барышников // Радио «Свобода». 2014. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/25404335.html> (дата обращения: 29.10.2019).
4. Генис А. Как работает рассказ Толстой / А. Генис // Звезда. 2009. № 9. С. 213-217.
5. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / Е. Гоцило; пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 202 с.
6. Грекова И. Расточительность таланта / И. Грекова // Новый мир. 1988. № 1. С. 252-256.
7. Михеев М. Дневник в России XIX-XX века: эго-текст или пред-текст / М. Михеев. М., 2006. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (дата обращения: 28.10.2019).
8. Осьмухина О. Ю. Литература как прием. Татьяна Толстая / О. Ю. Осьмухина // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 41-53.
9. Сурат И. Иногда любовь / И. Сурат // Знамя. 2014. № 8. С. 188-201.
10. Толстая Т. tanyant / Т. Толстая. URL: <https://tanyant.livejournal.com> (дата обращения: 28.10.2019).
11. Толстая Т. Н. Легкие миры / Т. Н. Толстая. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.
12. Толстая Т. Н. Девушка в цвету / Т. Н. Толстая. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 348 с.
13. Толстая Т. Н. Невидимая дева / Т. Н. Толстая. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 471 с.
14. Толстая Т. Н. Войлочный век / Т. Н. Толстая. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 352 с.
15. Тульчинский Г. Жизнь как проект / Г. Тульчинский // Знамя. 2012. № 1. С. 62-76.

Maria D. BRYZGALOVA¹

UDC 82-3

THE NEW PROSE OF TATYANA TOLSTAYA

¹ Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg) maria.bryzgalova27@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9561-0204

Abstract

This article studies the characteristics of Tatyana Tolstaya's prose of the 2010s, that was compiled with her essays and previous works into a tetralogy: "The Imperceptible Worlds" (2014), "The Girl in Blossom" (2015), "The Invisible Maiden" (2015), "The Century Made of Felt" (2015). This study aims to identify the creative strategies used by the writer, as well as to trace how Tolstaya describes her particular topics in different genres. Hopefully, this will fill in the lacuna in the contemporary Russian literature studies, as Tolstaya's works have received little academic attention despite their popularity among contemporary readers. To achieve this goal, the author of this article has applied structural-semantic and textological methods.

The main feature of Tolstaya's "new prose" is the transition from the third person narrative to the first. These changes are closely related to Tatyana Tolstaya's creative roles, such as a teacher, a journalist, a TV-presenter, and a blogger. The role of an author is the main role as it affects the rest.

The topics and motifs, present in Tolstaya's previous fiction and non-fiction works though quite indirectly and detached, come to the fore in 2010s. The main themes include time, memory, and folk mentality. New novels and short stories can also be characterized by the motive of many worlds: the real world is surrounded by other worlds — the "aetherial" ones.

Tolstaya's "new prose" is undoubtedly intertextual, which is necessary for her style. It combines documentary and artistry, autobiographical features and a certain measure of detachment, which allow seeing an autobiographical heroine in the text.

Citation: Bryzgalova M. D. 2019. "The New Prose of Tatyana Tolstaya". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 4 (20), pp. 87-97.
DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-87-97

Keywords

Tatyana Tolstaya, text analysis, new prose, autobiographical heroine, ego-text, creative strategy, creative role, motives and themes, blog.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-87-97

REFERENCES

1. Abasheva M. P. 2001. *Literature in Search of Its Face (Russian Prose in the Late 20th Century: The Formation of an Author's Identity)*. Perm. [In Russian]
2. Abasheva M. P., Kataev F. A. 2013. *Russian Prose in the Internet Age: Transformations in Poetics and Author's Identity*. Perm: Perm State Humanitarian-Pedagogical University. [In Russian]
3. Baryshnikov V. 2014. "The last call of the 'School of Scandal'". Radio "Svoboda". Accessed 29 October 2019. <http://www.svoboda.org/content/article/25404335.html> [In Russian]
4. Genis A. 2009. "How Tolstoya's story works". *Zvezda*, no 9, pp. 213-217. [In Russian]
5. Goshchilo E. 2000. *The Explosive World of Tatiana Tolstoya*. Translated from English by D. Gantseva and A. Ilyenkov. Ekaterinburg: Ural Federal University. [In Russian]
6. Grekova I. 1988. "Wastefulness of talent". *Novyy mir*, no 1, pp. 252-256. [In Russian]
7. Mikheev M. "The diary in Russia in 19th-20th century: ego-text or pretext". Accessed 28 October 2019. <http://uni-persona.srcc.msu.su/site/research/miheev/kniga.htm> [In Russian]
8. Osmukhina O. Yu. 2012. "Literature as a technique. Tatiana Tolstaya". *Voprosy literatury*, no 1, pp. 41-53. [In Russian]
9. Surat I. 2014. "Love sometimes". *Znamya*, no 8, pp. 188-201. [In Russian]
10. Tolstaya T. tanyant. Accessed 28 October 2019. <https://tanyant.livejournal.com> [In Russian]
11. Tolstaya T. N. 2014. *Aetherial Worlds*. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi. [In Russian]
12. Tolstaya T. N. 2015. *A Girl in Color*. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi. [In Russian]
13. Tolstaya T. N. 2015. *Invisible Maiden*. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi. [In Russian]
14. Tolstaya T. N. 2015. *Quilting Age*. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi. [In Russian]
15. Tulchinskiy G. 2012. "Life as a project". *Znamya*, no 1, pp. 62-76. [In Russian]